

Нефедка вздрогнул и отшатнулся в сторону.

— Уж не уехать ли? — мелькнуло у него в голове, но вслед за этим другие мысли сразу вытеснили первую.

И Нефедка опять поднял топор и на минуту остановился. Он остановился и замер...

Далеко, далеко гудел мерно и призывающе колокол. Звон доносился глухими переливами, но совершенно явственно. Эти переливы отдавались во всех чашах, и все словно еще более затихло и замерло. Только торжественно гудел колокол, и все внимало святой вести о рождении богочеловека.

И Нефедка дрожащими руками держал топор, не смея шевельнуться. Он стоял, словно окаменелый, а в ушах его раздавался звон. Звон отдавался в его сердце и говорил этому загрубелому и несчастному человеку, говорил что-то непонятное. Ему чудилось что-то великое и торжественное.

Сердце его трепетало, и мысли нестройно теснились в голове. Что ему было делать? Завтра все придут из церкви, все вернутся по домам... А он придет в холодную избу, где нет куска хлеба...

— Эх, была не была! — подумал Нефедка ожесточенно и, стиснув зубы, изо всей силы ударил по дереву. Опять глухой удар прозвучал по лесу, и опять полился широкими волнами призывающий благовест.

— Господи, господи! — застонал Нефедка... И в этом стоне было все: и сознание глубокого горя, и тяжелое страдание, и воспоминание о своей греховности... В первый раз пробудилась его душа от глубокого сна, в первый раз сердце трепетало непонятными сладостными чувствами...

Он швырнул топор, присел на холодный снег и вдруг горько, навзрыд, как ребенок, заплакал...

Стройное пение уже несло из церкви, когда Нефедка входил на паперть. В первый раз он благоговейно стал в толпе молящихся и, когда раздался наконец торжественный рождественский гимн, он узнал и понял, когда можно быть истинно счастливым и спокойным душою...

<1887>

«Родина», 1887, № 51, 20 декабря, стлб. 1613—1615. Подпись: И. Бунин.

Воспроизведено (в сокращении и со значительными неточностями): «Радуга», 1968, № 9.

БОЖЬИ ЛЮДИ. <ДВА СТРАННИКА>

Очерк

Тимоша вышел из Березовки после обеда. Метель поутихла, и он намеревался благополучно добраться до ближних Выселок, где было можно переночевать, а затем — продолжать путь. Цель его была — сходить к одной из его покровительниц и кормилиц, за которых Тимоша всегда ставил копейные свечки и усердно молился богу. Покровительница эта была старая дева-помещица. Всякие слепые, убогие и странники находили у ней приют. Живя одиноко, весь свой век ничего не делая, она развлекалась бессознательно совершаемыми добрыми делами. По ночам нараспев читала псалтырь, выкрикивала молитвы, читала зауспокойные прошения и т. п. Естественно, что странники и всякие «рабы Христовы» обманывали ее самым бессовестным образом. Многие соседи считали ее сумасшедшею, но барыня не унывала; может быть, потому, что была на самом деле не из умниц. Тимоша же считал ее великой угодницей божьей. Теперь он надеялся пожить у ней примерно до третьей недели великого поста, чтобы с первыми оттепелями, запасись кое-какою одеждою, отправиться в Троицкую лавру встречать светлый праздник.

Пока было еще холодно, и, главное, тулупчик на плечах Тимоши совсем почти истерся. Это он чувствовал и теперь, шагая по дороге к Выселкам. Правда, метели не было, низкое облачное небо синело по краям — признак оттепели; но все же дул сильный северо-восточный ветер и неистово крутил в воздухе снежными пушинками. Тимоша поневоле ежился, стараясь натянуть на порванные коленки голенища сапог, огромных и мокрых от снега, и судорожно прижимая локтями конец пустого мешка, болтавшегося у него за плечами.

— Господи, спасе милостивый,— шептал он посиневшими губами, желая предотвратить пугавшую его метель.

Все его худое личико ныло от ветра, старый ватный картуз грел плохо, голенища сползали. А крупные снежные хлопья массой носились вокруг него, и зимний короткий день постепенно переходил в сумерки. Шагах во ста трудно уже было различить что-либо от непрерывно валившего снега и сползающей темноты.

Долго шагал утомленный Тимоша в надежде увидеть перед собой какую-нибудь деревушку. Наконец, он окончательно изнемог. Шагнув еще несколько раз с полными мокрым и холодным снега сапогами, он решил присесть, переобуться и немного передохнуть.

Но в это время он услышал за собой шаги. Он обернулся и различил человека. Несколько мгновений спустя из-за падающего снега обрисовалась фигура широкоплечего и приземистого мужика, одетого в заплатанный халат, подпоясанный широким ремнем. На голове у него была монашеская шапочка. Он шел, опираясь на огромную палку.

Тимоша стоял, опустив мешок. Монах прошел, зорко его оглядывая, потом обернулся и крикнул сильным и резким баритоном, крепко выговаривая «о».

— Здорово, отец! Что ж не пристаешь? Ведь попутчики, должно.

Тимоша обрадовался и бросился догонять монаха.

— Вот спасибо тебе,— бормотал он радостно и несвязно,— я уж и так хотел спроситься итить за тобой... Да побоялся, братик!

— Овца, значит, без пастыря?— спросил монах, насмешливо сверкая глазами.

— Известно,— согласился Тимоша,— все, знаешь, одному-то жутко. Конечно, господь невидимо...

— Да уж вижу — курочка мокрая,— перебил монах.

— Что ж, брат, с измальства я такой... Немошный равно... Только вот господя люблю и хожу по святыням; ну и милостыньку прошу, оттого что наг и беден я... А ты откуда же?— робко докончил Тимоша.

— Издалека, отец.

— Я говорю, где шел; спросил, где проходил?

— Шел, брат, везде:

Берегами и лугами,
Рубежами и межами...

— Как же это?

— Знаем — «как»... Ты, брат, этого не сообразишь: у тебя голова не с того конца зарублена.

Тимоша тихо улыбнулся и качнул головой.

— Ты что же, в монастыре что ли был?— опять спросил он.

— Был. В постриге — Рафаил, в мире — Гавриил, а зови хоть Аникеем.

Он обернулся, насмешливо поглядел на Тимошу и запыхал еще быстрее.

— А что бы отдохнуть нам?— робко заметил Тимоша.

— Отдыхать — некогда. Ты ведь в Выселки?

— В Выселки, в Выселки, братик.

— Ну вот, видишь, скоро отдохнешь. А теперь не отставай!— сказал монах строго и затем прибавил: — Есть у тебя мужики знакомые там?

— Где?— спросил Тимоша.

НИЩИЙ

Фотография М. П. Дмитриева,
1890-е годы

Музей А. М. Горького, Москва

— Дурень! — резко крикнул тот. — Известно — где: в Выселках.

— Есть, есть, — трусливо забормотал Тимоша, вздергивая голенище. Впереди, в неопределенном сумраке, зачернели деревья.

Зимний вечер совершенно окутал небо и землю непроглядной тьмою, когда странники пришли в Выселки. Из-под нависших крыш едва-едва мерцали красные огоньки, словно волчьи глаза в ночную пору, отражаясь длинными, светлыми полосами на снегу.

Выселки была маленькая деревушка. Приютилась она, как и большинство степных деревушек, около лощины. Теперь она была совершенно завалена снегами. Тихо и мертво было в ней. В последний раз где-то резко и медленно проскрипели ворота, пролаяла собачонка и стихла. Мужики, убрав скотину, при слабом свете керосинки сидели в хатах. Бабы дремали под монотонное жужжание прялок. Мальчишки вповалку спали на горячих печках.

Странники в это время уже давно сидели в кабаке. Кабак стоял особняком, приблизительно в полуверсте от деревни. Теперь в нем было тихо. Посетителей, кроме двух мужиков да странников, не было. Один мужик был уже совершенно пьян. Он сидел, положив отяжелевшую голову на подоконник, и резко всхрапывал. Хозяин, отставной солдат, рыжий и косой, дремал за прилавком.

Только другой мужик, сидя перед монахом, жестикулировал и поминутно выхватывал из кармана кожаный «гаман» с бумажками. Тимоша сладко спал, прислонясь к стене. Рафаил часто косился на него покрасневшими глазами и подливал сидевшему с ним мужику водки.

— Постой, божий человек, — говорил тот, отстраняя бутылку, — постой... Ты не того... Себе, значит...

— Эх ты, — укоризненно вскрикивал «божий человек», — какой же ты после этого мужик есть? Ты смотри, голова садовая: я, странник, где-где ни бывал и писание до тонкостей разумею, а и то, — глянть!

Рафаил налил себе стакан, быстро вскинул ко рту и ловким движением руки вылил всю водку в рукав. Мужик и не заметил.

ГАЗЕТА «РОДИНА», В КОТОРОЙ НАЧАЛАСЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
БУНИНА

Номер, где впервые был опубликован его рассказ «Два странника»
28 сентября 1887 г., № 39. Заголовок

— А коли так,— я не отстану; я, брат, сам до тонкостей... Потому полюбил я тебя... Для милого дружка и сережка из ушка!

Мужик выпил стакан, сделал кислую гримасу, плюнул и, утираясь рукавом, полез целоваться.

— Стой, стой! Все перебьешь!— кричал Рафаил, когда стол под напором отяжелевшего мужика накренился на бок.— Стой, укротись! Дай я тебе лучше штуку докажу...

Мужик тяжело отвалился назад, страшно обиженный.

— Чего «стой»,— начал он придиричиво.— Ты что за указчик, а? Ты скажи! Скажи ты, жеребья грива, ай мне заплатить нечем? Небось, у Савелия хватит, у нас хватит — глянь!

Савелий опять выхватил гаман и стал неловко развязывать. Рафаил даже глазами засверкал. Пока мужик, качаясь, тербил завязку, в голове у него поднялись самые буйные мысли. Уже целый вечер он спавал мужика, надеясь, что тот свалится. Но мужик был крепок, как бык. Опытный Рафаил ничего не мог поделывать. Теперь при взгляде на гаман, где шуршали, словно накрахмаленные, кредитки, сердце забилося у «божьего человека» с удвоенною силою.

— Да что робеть,— мелькнуло в голове, и он стал толкать Тимошу.

— Очнись, восстань!— кричал он над ухом.

Тимоша вскочил, как ребенок, удивленный и испуганный.

— Куда? Куда? вставать, братик?— бормотал он, ища картуз.— Ах, да, на ночлег! Понимаю. Верно ты говоришь: «Да не сном...»

— Болтай чепуху!— резко перебил Рафаил.— Скорей, идем же,— заторошил он, увидав, что мужик направился к двери. Тимоша вскочил, схватил мешок и, вздернув голенища, поспешил за Рафаилом.

Темная ночь уже давно лежала на полях. По деревне огни потухали. Сильный ветер бил в лицо мокрым снегом.

Рафаил выбежал торопливо за мужиком и схватил его за рукав.

— Слушай!— быстро говорил он.— Где твоя изба? А? Мы тебя доведем в деревню и сами переночуем... Слышишь?— повторял он, как в бреду.

Но мужик шел, сильно раскачиваясь, по направлению Выселок и упорно молчал. Рафаил опять повторил, уже со злобой, свои вопросы. Опять молчание. Мужик, видимо, начал смекать, что тут начинают играть роль его деньги.

— А, ты вот как!— пробормотал наконец монах и бросился к Тимоше. Тот поспешно брел за ними.

— Слушай, Тимофей,— шептал Рафаил,— иди скорей за мной! Я его повалю и буду держать, а ты вытаскивай.

— Кого вытаскивать?— удивленно и испуганно спросил Тимоша. Он даже остановился и мешок опустил.

— Деньги... кошель... да ну же!

— Господи, царю небесный, спасе милостивый! Да что ты, кормилец, делать хочешь?— возразил он.

Рафаил освирепел.

— Дура проклятая!— вскрикнул он.— Не мели языком, а слушай, что те приказываю! Иначе — вот!

Рафаил выхватил большой складной нож. Тимоша даже мешок выронил.

— Кормилец милостивый!— со слезами взмолился он.— Не губи ты его душу! Не лстись... Ведь он без покаяния... в ад пойдет... Братик, родной!

Но «родной» крикнул на него самыми скверными словами, треснул кулаком в лицо и, когда Тимоша полетел в снег, поддал еще несколько раз ногами, потом бросился за мужиком.

Удар был так ловок, что слабенький Тимоша с окровавленным лицом рухнулся замертво и минут десять пролежал без чувств и движения. Когда же он наконец встал, — в кабаке огня не было и кругом все было тихо.

Тимоша со страхом вспомнил, что сейчас было.

— Господи ты мой боже,— бормотал он по обыкновению,— да как же это?.. Где же он?

ДВА СТРАННИКА.

I.

Еремушка вышелъ изъ Березовки послѣ обѣда. Мятель поутихла и онъ намѣревался благополучно добраться до ближнихъ Выселокъ, гдѣ можно было провести ночь, и затѣмъ продолжать путь. Цѣль его была — сходить къ одной изъ его покровительницъ и кормилицъ, за которыхъ Еремушка ставилъ всегда свѣчку въ копѣечку и усердно молился Богу. Покровительница эта была старая дѣва-помѣщица. Всякіе слѣбые, убогіе, странники находили себѣ пріютъ у ней. Живя одиноко, весь свой вѣкъ ничего не дѣлая, она развлекалась бессознательно совершаемыми добрыми дѣлами. По ночамъ нараслѣвъ читала псалтырь, выкрикивала молитвы, читала заупокойныя прошенія и т. д. Естественно, что странники и всякіе «рабы Христовы» обманывали ее самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Многіе сосѣди считали ее сумашедшею, но барыня не унывала, можетъ быть, потому, что на самомъ дѣлѣ была не изъ умиаць.

Еремушка-же считалъ ее великою угодницею Божіей и надѣялся пожить у ней примѣрно до третьей недѣли великаго поста, чтобы съ первыми оттепелями, запасшись кое-какою одеженкою, отправиться въ Троицкую лавру встрѣчать Воскресеніе Христово.

Пока, было еще холодно и, главное, тулупчикъ на плечахъ Еремушки совсѣмъ истерся. Это онъ чувствовалъ и

Он вспомнил вдруг, что Рафаил бросился с ножом за мужиком, и все понял. Ужас охватил его, и он побежал в поле.

— Дойду, дойду!— бессознательно повторял он.— Вот и вешки... Господи, спасе, прости ему, Никола милостивый!

Он вышел в поле, а в поле, как говорится, зги не было видно. Едва-едва чернели заносимые снежными вихрями вежи. Только слабое соображение Тимоши могло допустить возможность путешествия в такую бурную ночь пешком и к тому же полураздетым. Правда, раз или два его заставляла в поле метель, и он полуживой добирался до деревни, но теперь едва ли он мог спастись.

Ветер, резкий и пронзительный, налетал на него, поднимал облако холодной пыли, хлестал в лицо и в спину Тимоше и положительно валил его с ног. Тулупчик немилосердно распахивался. Все тело онемело от боли, глаза слипались. За ворот сыпался снег. Шапку уже давно сорвало и укатило ветром. Побежал было за нею Тимоша, да и остановился. Неравно, еще дорогу потеряешь. Он растерялся.

«Ворочусь»,— мелькнуло у него в голове, и он повернулся и, кутаясь, пошел против ветра. Но дорога скоро исчезла. Тимоша перестал уже шептать молитвы и шел теперь в полусознании. Резкий холод как будто уменьшился, а между тем он увязал по колена в снегу.

Наконец он упал в сугроб и сразу очнулся. Буря гудела по-прежнему. Тимоша вдруг, со страшной ясностью, понял, что смерть неизбежна. В ужасе вскочил он и, задыхаясь, бросился бежать. Хриплые стовы вырывались из его груди. Он бежал, пока не сорвался куда-то вниз...

Что-то гудело и шипело под ним. Но он теперь ничего не слышал; пред ним быстро проходила его жизнь, и какой-то отдаленный шум сопровождал эту непрерывную нить воспоминаний.

Все, от самого детства и до последних дней, с поразительной ясностью восстало перед его глазами... Мелькнул даже иерусалимский храм, и замелькали отдельные картинки, звуки, сцены, слова, лица, огни какие-то...

Вспоминалась ему и родная деревушка... Яркий полдень. Все горит и сверкает в солнечном свете... Деревня словно вымерла... А Тимоша сидит на меже у высокой, пахучей конопли с двумя белоголовыми девочками... Он сам такой же маленький, белоголовый. И Тимоше даже слышится запах конопли... Потом пошли зимние и осенние дни. Изба, занесенная снегом; мать, низенькая, высохшая старушка. Вот словно колыбельная песня послышалась ему. Звуки ласковые и тихие... Тимошу теснили горячие слезы.

Он встал и, шатаясь, бессознательно побрел вперед. Метель позатихла. Улеглись снежные порывы. Поле необозримой равниной терялось в сумрак, а в вышине, в темном небе, быстро мчались тучи.

— Господи, спасе милостивый! Дивны дела твои!— мысленно повторял замерзавший Тимоша. Не могли нести его дальше окоченевшие ноги: он свалился. Огромные, опущенные снегом дубы теснились вокруг и таинственно что-то шептали; старый лес словно дремал, охваченный холодом зимней ночи. А в мрачной выси опять мелькнуло звездное небо.

— Боже!— пробежало в последний раз в голове Тимоши.— Слава тебе!..

Судорожный трепет благоговения сразу приподнял его. Опять подступили слезы, и Тимоша бессильно опустился в сугроб. Слово отдаленный колокольный звон наполнял темное пространство широкими волнами... Росли и сдвигались все темнее сосны, принявшие страшные размеры в высоте, а сладкая дремота все более и более сковывала тело.

Слезы так и замерли на ресницах Тимоши... Загудела буря по лесу и наметами рыхлого снега стала засыпать замерзавшего... Сознание быстро оставляло его, и смерть, та смерть, от которой он хотел спасти Савелия, охватывала теперь его своим дыханием.

В Березовке, наутро, перед волостью стояли розвальни. В розвальнях лежало тело Савелия с широкою ранюю на шее. Наехали власти, но убийцу, разумеется, нигде не удалось ни разыскать, ни поймать.

Неизвестно, где теперь Рафаил. А труп Тимоши унесли, наверно, весенние потоки и похоронили в глубоком овраге или на дне озера.

<1887—1889>

«Орловский вестник», 1889, № 125, 20 сентября. Заглавие «Божьи люди». Подпись: Ив. Б—н.

Впервые: «Родина», 1887, № 39, 28 сентября (под заглавием «Два странника»; подпись: Ив. Бунин). В публикации «Орловского вестника» — значительная стилистическая правка; название и первоначальное имя героя (Еремушка) изменены.

Воспроизведено (со значительными неточностями): «Радуга», 1968, № 9.

ДЕНЬ ЗА ДЕНЬ

Старая история

Тихон Иванович Кондауров сидел после обеда в своей комнате и играл на немецкой гармонии вальс «Тигренок», подпевая себе самым тоненьким голоском, так что даже брови у него поднялись кверху и все лицо приняло страдальческое выражение. Тихон Иванович, конечно, баловался, а баловался оттого, что был, во-первых, в спокойном расположении духа (впрочем, в скучном или беспокойном духе он, по его словам, никогда не бывал), во-вторых, чувствовал себя в физическом отношении даже больше чем спокойно; в этом отношении он тоже никогда почти жаловаться не мог, и, в-третьих, оттого, что день был — 20-е число и в кармане его узких, модных брюк лежало 45 рублей жалованья. Тихон Иванович был человек служащий, полнее сказать, служащий у старшего нотариуса елецкого окружного суда. Дело свое он знал хорошо, так что иногда брал на себя даже роль поверенного по чьим-нибудь делам, принимал на себя хлопоты по закладу в банки и т. п. От всего этого у него набиралось в месяц почти 70 р., а это было очень недурно, если принять во внимание прежнее положение Тихона Ивановича в юности, когда он был библиотекарем в маленькой библиотеке захолустного уездного города и звался Тишкой. Теперь же он нанял себе квартиру в три комнаты с кухней, с отоплением и с мебелью, даже с украшениями в виде олеографий; женился на дочери мелкого помещика, причем взял немного приданого, завел себе «рабочий» кабинет, в котором стоял письменный стол, а на столе — две фигуры белых гипсовых китайцев, прекрасная чернильница и лежала стопка бумаги, на которой было напечатано: «Тихон Иванович Кондауров в Ельце»; купил себе ружье, длинные сапоги, которые постоянно лежали в пыли под кроватью, достал даже громадного, кудрявого водолаза и звал его «Бисмарк».

Что касается самого Тихона Ивановича, то он пополнил, стал солидным мужчиной, стал носить на своих больших ногах модные штiblеты и такие же брюки, куцую визитку и, постоянно, накрахмаленные рубашки с стоячими воротничками. Правда, такой костюм не был очень красив на плотной и здоровой фигуре Тихона Ивановича, но Тихон Иванович не замечал этого. Про себя он вообще думал, что он красив; ему нравилось его полное, молодое лицо и смелое (даже, говоря по правде, наглое) выражение его, под гребенку остриженная голова и даже манеры, походка; ходил же он, немного подаваясь вперед и постоянно заложив руки в боковые карманы брюк, т. е. вообще небрежно, двигаясь, как на лыжах, в своих низких штiblетах.

Итак, он сидел, покачивался, держал папиросу во рту, играл «Тигренка» и подпевал себе то басом, то фальцетом. Он даже не обернулся, когда в кабинет вошла его жена — Надежда Федоровна. Она была совсем не похожа на Тихона Ивановича, — небольшого роста, худая, с бледным, задумчивым лицом. Вошла она, кутаясь в платок,